

На правах рукописи

Фостова Сюзанна Андреевна

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ФОКУСЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ (1945—1991 гг.)**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Брянск – 2024

Работа выполнена на базе образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»

Научный руководитель

Костяшов Юрий Владимирович,
доктор исторических наук,
профессор

Официальные оппоненты

Щеглова Татьяна Кирилловна,
доктор исторических наук,
профессор ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный педагогический
университет», кафедра
отечественной истории, заведующая

**Сосницкий Дмитрий
Александрович,**
кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный технологический
институт (технический
университет)», кафедра истории и
права, доцент

Ведущая организация

ФГАОУ ВО «Уральский
федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н.
Ельцина»

Защита диссертации состоится «26» декабря 2024 г. в 15.00 часов на заседании Диссертационного совета 99.2.048.02 при ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» по адресу: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, корп. 3, ауд. № 200.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Брянского государственного университета по адресу 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14 и на сайте: <https://brgu.ru/science/aspirantura/nashi-zashchity/>.

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

А.В. Сагимбаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Междисциплинарные исследования (memory studies), в центре внимания которых находятся культурная память, её носители, особенности конструирования, имеют относительно недолгую, но насыщенную историю. Интерес к изучению памяти методами различных наук произвёл «мемориальный бум», начавшийся в 1980–1990-х гг., что позволило обозначить новую парадигму в социально-гуманитарных дисциплинах.

Одной из сфер, где чаще всего используются история и память, является политика. Этот процесс, известный в том числе как *историческая политика* или *политика памяти*, активно изучается исследователями на примерах взаимоотношений государства и общества. Связанные с коллективной исторической памятью проблемы становятся особенно заметны на стыке исторических эпох, в период таких радикальных социально-политических катаклизмов, как революции и войны. Они влекут за собой изменения территориальных границ государств, смену политической системы и идеологических установок в целых странах или отдельных регионах. Так произошло с частью германской провинции Восточная Пруссия¹, которая вошла в состав РСФСР как Калининградская область, изменив свои название, национальный состав и мемориальный ландшафт.

Уникальность ситуации, сложившейся на землях бывшей Восточной Пруссии в советский период, даёт богатый материал для осмысления проблемы исторической памяти вообще и её региональной составляющей. Стержневая проблема региональной политики памяти — отношение к историко-культурному наследию, которое играло ключевую роль в формировании представлений о прошлом края.

¹ В настоящее время земли бывшей Восточной Пруссии входят в состав трёх государств: российская Калининградская область, литовский Клайпедский край и польское Варминьско-Мазурское воеводство. Эту территорию принято также географически обозначать как Юго-Восточную Прибалтику.

Историографический обзор

Исследование массового исторического сознания относится к популярным направлениям современной российской гуманитаристики, однако комплексное рассмотрение политики памяти на протяжении длительного времени или всего советского периода — достаточно редкое явление в отечественных научных работах.

Отношение к историко-культурному наследию Калининградской области не раз исследовалось калининградскими историками с применением подходов *memory studies*. Так, область научных интересов Ю. В. Костяшова — региональная политика памяти первого послевоенного десятилетия. Её специфика, как отметил автор, была выражена в заимствованной из источников формуле об «изгнании прусского духа», которая стала общеупотребимой при описании этого непростого периода в истории края². Ю. В. Костяшов указал на непродуманность и спонтанность многих действий властей по адаптации переселенцев в новом и чуждом для них культурном ландшафте, а также отметил роль калининградской интеллигенции в деле сохранения различных объектов культурного наследия прошлых веков³.

Некоторые важные аспекты политики памяти в Калининградской области изучены И. О. Дементьевым, который проанализировал официальный и альтернативный дискурсы о прошлом на протяжении разных этапов советской истории края⁴.

² Костяшов Ю.В. Изгнание прусского духа: как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы. Калининград, 2003. С. 7–80; Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области: очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.

³ Там же. С. 80.

⁴ Дементьев И.О. «Рябинка у бойницы»: реабилитация довоенного прошлого в памяти калининградцев (1970-е — 1980-е годы) // *Erdvių pasisavinimas Rytų Prūsijoje XX amžiuje. Klaipėda*, 2012. С. 92–118; Дементьев И.О. «Что я могу знать?»: Формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х — 1980-е годы) // *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2014. № 6. С. 175–218;

Великой Отечественной войне как ключевому событию в культурной памяти жителей области посвящено несколько статей Г. В. Кретинина. Исследователь выявил такое важное свойство калининградской военной памяти как «виртуальность», определяемую тем, что жители области в основном узнавали о войне опосредованно — по материалам СМИ, из литературы и устных источников⁵.

Научный инструментарий *memory studies* успешно применяется специалистами для анализа широкого спектра тем: от деятельности советского экскурсионного бюро и переименования населённых пунктов области до градостроительных практик и мест памяти⁶.

Вместе с тем использование памяти в политических целях на примере Калининградской области изучалось также зарубежными авторами. Так, немецкий исследователь Б. Хоппе затронул вопросы «архитектурного управления прошлым»⁷ и применения властями «исторических аргументов» при обосновании градостроительных планов, а также проследил тенденцию превращения изначального негативного образа Кёнигсберга в позитивный⁸. П. Бродерзен пришёл к выводу, что отношение к довоенному культурному наследию в области прежде всего определялось проводимой властями

⁵ Кретинин Г.В. Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник БФУ им. И. Канта. 2015. Вып. 12: Гум. науки. С. 65; Кретинин Г.В. Генезис и формирование региональной исторической памяти о боях за Восточную Пруссию в 1944–1945 годах // Балтийский регион в Новое и Новейшее время. Калининград, 2016. С. 152–153; Кретинин Г.В. Что храним и как храним? Об истории исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Время музея. 2019. С. 25–35.

⁶ Белинцева И. Архитектура Калининградской области: «чужое» как «чуждое» и как «своё» // Между Одером и Неманом. Калининград, 2012. С. 151–160; Маслов В.Н. Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населённых пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. №3. С. 100–107; Манкевич Д.В., Мегем М.Е., Филёв М.В. От «правильного немца» к «калининградскому философу» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. Т. 64. № 6. С. 138–160.

⁷ Hoppe B. Auf den Trümmern von Königsberg: Kaliningrad 1946-1970. München, 2000.

⁸ Хоппе Б. Борьба против вражеского прошлого: Кёнигсберг/Калининград как место памяти в послевоенном СССР // Ab Imperio. 2004. № 2. С. 237–268.

политикой⁹. В работах Э. Маттеса рассматриваются вопросы, связанные с интерпретацией довоенной истории в советском Калининграде в контексте становления регионального сознания калининградцев и их отношения к краю. В качестве примеров региональной политики памяти он указывает на ограничение доступа к архивным материалам, сложности становления научного краеведения, цензурирование публикаций по исторической тематике¹⁰.

Несмотря на популярность подходов *memory studies*, в изучении калининградской мемориальной культуры заметна хронологическая диспропорция: глубоко и разносторонне рассмотрен позднесталинский период, отчасти 1960-е гг., а изучение 1970-х — 1980-х гг. очень фрагментарно. Кроме того, в фокусе внимания историков неизменно оказывается Калининград, тогда как другие города и посёлки области остаются в тени. До сих пор комплексно не изучены присущие политике памяти инструменты, участие в её проведении органов власти, общественных организаций, учреждений образования и культуры. Совершенно недостаточно исследованы судьбы многих объектов историко-культурного наследия и связанных с этим общественных дискуссий. Комбинация всех отмеченных обстоятельств позволяет говорить о перспективности комплексного исследования способов «присвоения» прошлого в отношении культурного наследия.

Объектом исследования является региональная политика памяти в советский период истории Калининградской области. **Предметом исследования** является содержание изменявшегося с течением времени

⁹ Brodersen P. Fortsetzung der Heldentat. Berlin: [s. n.], 2000. 101 S.; Brodersen P. Die Stadt im Westen: Wie Königsberg Kaliningrad wurde Göttingen, 2008.; Бродерзен П. «Много прекрасных мест и зданий». Калининград как туристический объект в 1950–1971 гг. // Калининградской области — 60: этапы истории, проблемы развития. Калининград, 2006. С. 106–117.

¹⁰ См.: Маттес Э. Запрещённое воспоминание: возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей Калининградской области (1945–2001). Калининград, 2003. С. 81–150; Matthes E. Als Russe in Ostpreußen: Sowjetische Umsiedler über ihren Neubeginn in Königsberg / Kaliningrad nach 1945. Ostfildern, 1999.

регионального исторического нарратива, отношение калининградского социума к историко-культурному наследию края и эволюция связанных с этим коммеморативных практик.

Цель исследования — выявить содержание и охарактеризовать особенности политики памяти в отношении историко-культурного наследия в Калининградской области в советский период.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- выявить основные направления политики памяти, её акторов и посредников;
- рассмотреть структуру и содержание регионального исторического нарратива;
- определить место историко-культурного наследия в политике памяти и реконструировать подходы к работе с ним со стороны властных институтов и общества;
- дать характеристику и определить особенности отдельных этапов реализации политики памяти.

Хронологические рамки исследования охватывают 45 лет с момента завершения Восточно-Прусской операции в 1945 г. и образования Особого военного округа до завершения советского периода в истории Калининградской области в 1991 г. Несмотря на то, что официально создание области и введение гражданского управления на её территории произошло в лишь в 1946 г., автор считает целесообразным рассматривать начало формирования региональной политики памяти со времени перехода под контроль советской военной администрации территории будущей области РСФСР.

Территориальные рамки исследования включают всю Калининградскую область, образованную на северной части бывшей немецкой провинции Восточная Пруссия. Поскольку ключевые события, связанные с реализацией политики памяти, происходили в Калининграде, а

также учитывая, что он являлся областным центром, и, следовательно, образцом для подражания и площадкой мемориальных экспериментов, большая часть исследования посвящена Калининграду, однако истории других городов и поселений области также уделено место.

Источниковая база исследования. Исследование основывается на обширном материале неопубликованных документов из фондов Государственного архива Калининградской области, Архива Калининградского областного историко-художественного музея, Калининградской областной научной библиотеки, Калининградского городского архива, а также документов из личных архивов калининградцев.

Наиболее обширную группу источников составляет *делопроизводственная документация*. Прежде всего она представлена архивными фондами партийных и государственных органов. Преимущественно они состоят из планов и отчётов, справок, других информационных материалов, а также разного рода обращений и корреспонденции местных и центральных партийных органов власти по широкому кругу вопросов из сферы культуры.

Фонды областного и городского комитетов КПСС, соответствующих советов депутатов трудящихся и их исполкомов располагают обширной перепиской с центральными органами власти, в том числе с министерствами культуры СССР и РСФСР, а также с подведомственными местными органами власти, учреждениями и организациями. Они содержат разнообразные документы, раскрывающие способы реализации политики памяти в конструировании городского ландшафта, изменении топонимики, работе СМИ, учреждений культуры и образования¹¹.

¹¹ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. П-1. Региональное отделение КПСС в Калининградской области; Ф. П-2. Калининградский городской комитет КПСС; Ф. Р-297. Калининградский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет; Ф. Р-216. Калининградский городской Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет.

Исключительно важным для диссертации является фонд областного управления культуры¹². Управление занималось реализацией министерских и партийных решений и установок и было наделено важными полномочиями, среди которых были: организация массовых мероприятий, планирование празднования годовщин исторических событий, контроль за содержанием музейных экспозиций и изданием краеведческой литературы и т. п. Таким образом, именно в этом фонде в основном сосредоточен корпус данных о подходах властей к работе с культурным наследием.

Аналогичные виды документации составляют архивные фонды культурно-просветительских учреждений, органов печати, радио и телевидения, учреждений образования¹³. Анализируя их, можно проследить процессы подготовки материалов, которые способствовали массовому распространению сведений об истории края с идеологически корректно расставленными акцентами, что формировало упрощённое представление о прошлом.

Формированием и адаптацией городской среды Калининграда и других населённых пунктов области, а также приведением её в соответствие с общесоветскими урбанистическими принципами занимались органы управления строительства и архитектуры¹⁴. Эти материалы позволяют понять причины возникновения сложностей, с которыми сталкивались специалисты при решении задачи создания образцовых советских городов на бывшей прусской земле.

Важным источником стали документы из архивных фондов общественных организаций и местных отделений творческих союзов, в

¹² ГАКО. Ф. Р-68. Управление культуры Калининградского облисполкома.

¹³ ГАКО. Ф. Р-19. Калининградский областной комитет по телевидению и радиовещанию; Ф. Р-300. Комитет по печати администрации Калининградской области; Ф. Р-414. Калининградское областное лекционное бюро.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-310. Управление коммунального хозяйства Калининградского горисполкома; Ф. Р-520. Главное управление архитектуры и градостроительства Калининградского облисполкома; Ф. Р-522. Архитектурно-планировочное управление Калининградского горисполкома.

которых нашла отражение позиция калининградской общественности по проблемам отношения к историческому наследию, в том числе отличные от установок властей взгляды на использование объектов старины¹⁵. Всего в диссертации использованы документы из двадцати шести фондов четырёх калининградских архивов.

В диссертации также использован ряд опубликованных *нормативных документов* – постановлений Верховных Советов и Советов министров СССР и РСФСР.

Еще одну группу источников составляют произведения *художественной литературы* советских писателей, сюжеты которых строятся вокруг событий из истории края. По ним можно судить как о содержании политики памяти, так и об одном из важных способов её реализации.

При написании работы были использованы материалы периодических изданий (официальных газет и журналов) за период с 1946 по 1991 г. Основная часть периодики представляет собой печатные органы областных и районных органов власти, ведомств, предприятий и организаций.

Среди привлечённых и введённых в научный оборот источников *личного происхождения* следует выделить интервью первых переселенцев, рассказывающих об их отношении к довоенному историко-культурному наследию края¹⁶ и эпистолярное наследие калининградских писателей и общественных деятелей¹⁷. Определённый интерес также представляют

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-133. Калининградская писательская организация; Ф. Р-153. Калининградский областной совет по туризму и экскурсиям, Ф. Р-615. Калининградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры; Ф. Р-1167. Калининградское областное отделение Российского фонда культуры.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-1191. Интервью первых переселенцев Калининградской области.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-1091. Снегов Сергей Александрович — писатель, член Союза писателей СССР; Ф. Р-1183. Иванов Юрий Николаевич — писатель, председатель Калининградского отделения Российского фонда культуры; Ф. Р-1233. Лавринович Казимир Клеофасович — доктор физико-математических наук, профессор, астроном.

дневниковые записи граждан СССР, доступные в цифровом архиве личных документов из частных собраний «Прожито»¹⁸.

Специфическую группу источников составляют *визуальные материалы*, в числе которых альбомы с фотографиями Калининграда, открытки городов области, карты и художественные полотна, которые позволяют определить принципы конструирования образов городов для массового потребления в СМИ и полиграфических изданиях и их изменения в зависимости от конкретного исторического периода.

В целом источниковая база представляется достаточно обширной и разнообразной для решения поставленных в исследовании задач.

Методологическая и теоретическая база

Методологической основой диссертационного исследования послужил системный подход, благодаря которому стало возможным определить и ранжировать органы власти по степени вовлечённости в имплементацию в историческую политику, а также выявить противоречия, которые возникали между ними как элементами системы (на региональном уровне). Для выявления содержания и трансформации политики памяти на протяжении советского периода калининградской истории применялся сравнительный метод. Структурный метод позволил проследить взаимодействие органов власти, общественных организаций и индивидуальных акторов при осуществлении политики памяти и её влияние или отсутствие такового на жителей области. Принципы герменевтического анализа были использованы для интерпретации публицистических и художественных текстов, посвящённых проблемам культурного наследия, политике памяти, отношению к прошлому. Для определения места и роли объектов историко-культурного наследия в культурной памяти жителей, для изучения топонимики и

¹⁸ См., например, запись из дневника искусствоведа и члена Союза московских архитекторов С.С. Попадюка за 7 марта 1980 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/4495> (дата обращения: 09.10.2023); Запись из дневника учителя истории из московской школы Л.Я. Липкина от 8 марта 1953 г. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/5382> (дата обращения: 08.10.2023).

визуальных образов края были использованы элементы метода контент-анализа.

Помимо названных выше научных методов, применяемых в современных исторических и иных гуманитарных исследованиях, в диссертации использовались теоретические концепции ряда учёных — специалистов в области изучения исторической памяти и политики памяти (М. Хальбвакса, А. Варбург, П. Нора, Я. Ассмана, А. И. Миллера, Н. Е. Копосова, Л. П. Репиной, Л. Н. Мазур, Т. К. Щегловой, О. Ю. Малиновой).

Отсутствие унифицированных определений в широком междисциплинарном поле привело к тому, что в историографии представлены различные трактовки основных понятий. В связи с этим целесообразно пояснить, какой смысл вкладывается в ключевые для настоящей диссертации термины

Историческая память, согласно определению Л. П. Репиной, — это «сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта (реального и/или воображаемого)», и одновременно «продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях»¹⁹. Структура и виды, а также источники и механизмы формирования исторической памяти наиболее полно проанализированы в работах Л. Н. Мазур²⁰.

Под *политикой памяти* понимается «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной

¹⁹ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 10.

²⁰ Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.

инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях и законодательного регулирования»²¹.

Региональное историко-культурное наследие в настоящем исследовании интерпретируется как совокупность материальных и интеллектуально-духовных ценностей довоенного и советского времени, обладающих исторической, эстетической и символической важностью, сохранившихся на территории бывшей германской провинции после окончания Второй мировой войны и созданных в области в послевоенные десятилетия.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые в региональной историографии предпринята попытка комплексного исследования политики памяти в Калининградской области, охватывающего весь советский период истории края.

Систематизирован и введён в научный оборот большой массив неопубликованных архивных документов, которые позволяют по-новому взглянуть на проблемные вопросы в интерпретации прошлого края, детализировать описание неофициальных и альтернативных непубличных способов изучения и сохранения историко-культурного наследия, продемонстрировать влияние политики памяти на формирование калининградской идентичности.

Кроме того, в работе впервые целостно проанализировано воздействие политики памяти на ранее малоизученные в региональном контексте аспекты историко-культурного наследия. Среди них музейные исторические экспозиции, являвшиеся важным транслятором идеологических установок относительно прошлого; особенности и нормы калининградского топонимизма; визуальная репрезентация советского урбанистического пространства и использованные для этого приёмы; художественные произведения и

²¹ Малинова О.Ю., Миллер А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб., 2021. С. 15.

воздействие на них внутренней и внешней цензуры; обсуждение состояния памятников истории и культуры и перспективы их использования.

Научно-практическая значимость проведённого исследования состоит в том, что оно разрабатывает такие аспекты новейшей региональной истории, которые до сих пор оставались в значительной мере вне поля внимания историков. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по истории Калининградской области, в учебных и справочных изданиях, экскурсионной литературе, а также на лекционных и семинарских занятиях в рамках вузовского преподавания курсов по региональной истории.

Апробация работы. Основные результаты исследования и выносимые на защиту положения диссертации были опубликованы в 19 научных работах в т. ч. в 6 статьях, напечатанных в изданиях, входящих в Перечень, утверждённый ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ²².

Результаты и выводы исследования были представлены в виде докладов на 20 российских и международных конференциях, в том числе: «Конструируя “советское”?: политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» (Санкт-Петербург, 2016); «Идентичность и культурная память восточного и западного регионов Балтийского моря» (Стокгольм, Гданьск, 2017); «Смольные чтения» (Санкт-Петербург, 2017–2019, 2021); «Проект “Уралмаш”: культурное будущее [пост]индустриальных городов» (Екатеринбург, 2017); «История и память» (Санкт-Петербург, 2018); «Наследие через границы: Ассоциация исследований критического наследия» (Китай, Ханчжоу, 2018); «Третья ежегодная конференция Ассоциации исследований памяти» (Мадрид, 2019); «Немецкое наследие в Восточной Европе» (Таллин, 2019); «НОМО LOQUENS: логика — язык — культура» (Калининград, 2019); «Без срока давности. Преступления нацистов против человечности» (Светлогорск, 2023)».

²² См. список в конце автореферата.

Структура исследования. Основное содержание диссертации составляют четыре главы, разделённые по хронологическому принципу. В первой главе рассматривается политика памяти на территории Калининградской области в первое послевоенное десятилетие (1945–1956), во второй — конструирование исторической памяти в области в период хрущёвской оттепели (1956 — середина 1960-х), в третьей — мемориальный ландшафт края в «эпоху застоя» (конец 1960-х гг. — первая половина 1980-х), в четвёртой главе основное внимание сосредоточено на трансформации политики памяти в условиях перестройки (1985–1991). В каждой из глав через призму отношения к довоенному и советскому историко-культурному наследию анализируются процессы складывания и изменения регионального исторического нарратива, топонимические практики, формирование символического и архитектурного пространства.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политика памяти, осуществлявшаяся в Калининградской области в 1945–1991 гг., в целом соответствовала общесоюзному идеологическому курсу и принятым в СССР практикам коммеморации. Вместе с тем основные противоречия и сложности в реализации политики памяти в регионе состояли в том, что в результате послевоенного изменения государственных границ новая область была образована на территории северной части бывшей немецкой провинции Восточной Пруссии, оставившей после себя специфическое культурное наследие, с самого начала признанное идеологически чуждым и даже враждебным советскому человеку. Однако по мере знакомства с краем и освоения новой территории, довоенное наследие частично стало включаться в культурный опыт переселенцев.

2. Наиболее действенным способом адаптации и включения в массовое сознание советских переселенцев знаний и представлений об истории края послужил нарратив о русском присутствии в Юго-Восточной Прибалтике в прошлом. Он включал такие исторические сюжеты, как борьба с крестоносцами, Великое посольство Петра I, управление Восточной Пруссией

русскими губернаторами в годы Семилетней войны, события Наполеоновских войн. Такой подход способствовал также установлению в историческом сознании калининградцев ощутимой связи между историей своего Отечества и довоенным прошлым края, которое только на первый взгляд казалось совершенно чужим.

3. Новый мемориальный ландшафт области в советское время формировался посредством разных инструментов и способов действий: уничтожения, умолчания, перекодировки, адаптации, приспособления, создания и пропаганды нового. На протяжении нескольких первых десятилетий основными акторами на этом поле были региональные власти. Тем не менее, начиная с оттепели, в калининградском социуме появляются отдельные граждане и небольшие общественные и профессиональные группы, чьё отношение к историко-культурному наследию, прежде всего довоенному, в какой-то степени отличалось от провозглашаемых официально установок. Эти представители калининградской интеллигенции ратовали за сохранение довоенного культурного наследия, прибегая к использованию ведомственных и профессиональных связей, а также обращаясь по таким поводам в органы власти, центральную и местную прессу. Провозглашение гласности во второй половине 1980-х гг. продемонстрировало, что иное восприятие регионального наследия, аккумулировавшееся в интеллигентской среде, обладает потенциалом, способным внести коррективы в утвердившийся ранее официальный подход к прошлому.

4. На протяжении почти всего исследуемого периода особенностью официальной региональной политики памяти являлось обесценивание и вытеснение несоветского исторического наследия. Это обосновывалось его принципиальной (классовой, идеологической и этнокультурной) чуждостью существующей в стране общественно-политической системе. В то же время представители союзных и республиканских органов управления культурой, академических учреждений и руководители творческих союзов время от времени высказывались за сохранение тех или иных архитектурных и

мемориальных объектов довоенного прошлого, считая, что они придают своеобразие культурному облику края. Вместе с тем и в составе местных партийных и советских органов власти иногда имелись различия во мнениях относительно тех или иных конкретных шагов по реализации политики памяти (например, в случаях Кёнигсбергского замка, Кафедрального собора). Арбитром в таких случаях становились вышестоящие инстанции.

5. Главенствующей темой в региональном историческом нарративе стала победа советского народа в Великой Отечественной войне, что полностью соответствовало общему для всей страны вектору в развитии политики памяти. Для калининградцев это событие имело особую значимость, так как именно оно привело к «рождению» Калининградской области. Тема Великой Отечественной войны и Победы всегда доминировала в коммеморативных практиках, монументальной пропаганде, топонимике и репрезентации прошлого края в прессе, музейных экспозициях и краеведческой литературе. Это место ядра культурной памяти калининградцев и их общественного сознания не смог поколебать даже произошедший в годы перестройки пересмотр некоторых утвердившихся ранее установок и коммеморативных практик в сфере политики памяти (например, в отношении довоенного прошлого).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** приведено обоснование актуальности темы диссертационного исследования, определены его хронологические и географические рамки, сформулированы цели и задачи, установлены объект и предмет исследования, представлены историографический и источниковедческий обзоры, даны определения основных терминов и понятий, использованных в работе.

Первая глава «Политика памяти на территории Калининградской области в 1945–1956 гг.: трансформация культурного ландшафта» посвящена периоду освоения и «советизации» территории бывшей немецкой провинции.

В центре внимания оказались основные компоненты регионального исторического нарратива, проблемы их формирования и интерпретации в периодической печати, деятельность лекторского бюро, исторические сюжеты в художественной литературе и изобразительном искусстве нового края. Кроме того, было уделено внимание методам «советизации» городской среды бывшего Кёнигсберга.

Региональный исторический нарратив стал складываться уже во время боевых действий на территории Восточной Пруссии 1944–1945 гг. После завершения войны источниками базовых сведений о досоветском прошлом становилась академическая и справочная литература, а также труды классиков марксизма-ленинизма. Их содержание интерпретировалось идеологическими работниками и пропагандистами и транслировалось населению посредством прессы, публичных лекций, музейных экспозиций и краеведческих занятий для школьников, через художественную литературу и визуальное искусство. Освещение военно-политических событий прошлого доминировало среди других исторических сюжетов. Внутреннее развитие и культурная история Восточной Пруссии почти не освещались, региональный исторический нарратив оставался очень фрагментарным.

Сходным образом было организовано переименование населённых пунктов. Особенности топонимизации в области были: стремление к ликвидации довоенной топонимики, в том числе её камуфлирование посредством перевода или русификации немецких названий; создание городской среды, идентичной общесоюзному пространству; утверждение темы побед русского оружия, и в особенности в период Великой Отечественной войны.

Архитектурный ландшафт Калининграда в послевоенное время определили необходимость разбора многочисленных руин и стремление утилитарно использовать сохранившиеся постройки. основополагающей тенденцией в архитектурном преобразовании города стало стремление перенести в городской ландшафт общесоветские, «домашние» представления о прекрасном. При этом нередко местные специалисты градостроительства,

разрабатывавшие планы реконструкции, были более радикальны в своих идеях, чем столичные профессионалы, придерживавшиеся скорее рационального подхода.

Наиболее масштабные изменения коснулись символического городского пространства: бесследно исчезли, были утилизированы на металлолом или использовались для создания новых форм памятники немецким полководцам и политическим деятелям. С другой стороны, были сохранены усыпальница И. Канта и скульптура Ф. Шиллера. Главными охраняемыми государством памятниками стали обелиски, памятные знаки, братские могилы и одиночные захоронения советских воинов, павших в боях в ходе Восточно-Прусской операции, а также места памяти других военных событий, связанных со славой русского оружия. Кроме того, начался постепенный процесс возведения новых воинских мемориалов и установки памятников видным деятелям СССР.

Во второй главе «Культурная память в Калининградской области в 1956 — середине 1960-х гг.» предпринимается попытка проследить влияние оттепели на изменения, происходившие в ходе реализации политики памяти в регионе. Пристальное внимание уделяется средствам репрезентации области в полиграфической продукции для туристов. Анализируется роль культурного наследия в принятии решений в сфере градостроительства, а также выявлены главные тенденции изменений уличной топонимики и основные трудности в интерпретации истории при форматировании исторической музейной экспозиции.

Литература о крае была востребованным продуктом, однако цензурно-идеологические фильтры снижали публикационную активность авторов, которые в том числе занимались своего рода инвентаризацией фактов досоветского прошлого и вычленили достопримечательности, наощупь определяя допустимые границы обогащения исторического нарратива. При создании как письменного, так и визуального образа прошлого требовалось

соблюдать расстановку идеологических акцентов, что в значительной степени нивелировало региональную специфику.

Со второй половины 1950-х гг. до середины 1960-х гг. переименование улиц носило преимущественно ситуационный характер. Изменения в большинстве случаев инициировали сверху и приурочивали к юбилеям событий, значимых для всех советских граждан, а также важных с точки зрения воспитания локального патриотизма. Новые названия появлялись вместо идеологически нейтральных, формируя в топонимике приоритет военно-исторической тематики.

К началу 1960-х гг. важным местом памяти стал областной краеведческий музей. Каркасом новой исторической экспозиции стали несколько базовых политико-идеологических конструкций: марксистская теория формаций, классовая борьба, интернационализм и в качестве главного исторического события в истории региона – Победа в Великой Отечественной войне. Специфика локальной истории края, выходящая за эти рамки, корректировалась разными способами: замалчиванием тех или иных событий и эпох, упрощением и/или обобщением информации, а также расстановкой определённых акцентов при оценке конкретных эпизодов прошлого.

В эпоху «оттепели» культурное наследие играло значимую роль в градостроительных практиках Калининграда. В задачи архитекторов всё ещё входило преодоление руинированности при сохранении объектов, признанных государством памятниками. Однако последнее условие осложнялось бюрократическим процессом принятия окончательных решений о присвоении такого статуса. Они зависели от нескольких институций, имевших разные представления о ценности того или иного историко-культурного объекта. Наряду с оценкой существующих памятников, происходило насыщение мемориального ландшафта памятниками, характерными для всего советского пространства.

В третьей главе «Мемориальный ландшафт Калининградской области в конце 1960-х — первой половине 1980-х годов: традиции и

новые тенденции» выявляется специфика калининградских коммеморативных практик этого времени, рассматривается влияние историко-культурного наследия на градостроительство, характеризуются наиболее тиражируемые в «брежневский» период образы и символы. Кроме того, на примере анализа калининградской топонимики и активно развивавшегося музейного дела описываются главные элементы регионального исторического нарратива.

В период «застоя» историко-культурное наследие продолжало влиять на урбанистические практики, давая возможность архитекторам разнообразить ландшафт города. Использование руин некоторых довоенных строений позволяло не только сохранить исторические здания, но и вдохнуть в них вторую жизнь, благодаря приданию новых функций вписать их в современные реалии. Главными движущими силами этого процесса становились городские предприятия и организации, учреждения культуры и образования, а также общественные организации. В качестве координатора выступали городские власти.

Монументальная пропаганда конца 1960-х – начала 1980-х гг. репрезентировала историческое прошлое через образы главных событий и выдающихся личностей XX в. Основные усилия были направлены на поддержание памяти о героическом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Для воплощения в жизнь этого общего для всего Советского Союза курса привлекались историки, местные и приглашённые скульпторы, специалисты ВООПИиК, задействовалась разветвлённая туристическая индустрия. На этом фоне появление памятников, связанных с послевоенным мирным строительством, было скорее исключением из правил.

В рассматриваемый период уже был разработан и продолжал совершенствоваться визуальный язык полиграфических изданий по местной тематике. Его универсальными лейтмотивами была молодость края, его «советскость», а также уважение к ратным подвигам советских людей, что дополнительно манифестировалось в топонимических практиках.

Пространство исторических интерпретаций в музейной сфере расширялось благодаря следованию заданным ранее координатам, а по сравнению с масштабной музейной экспозицией и разными форматами её использования в целях трансляции идеологических установок историческая литература о крае (художественная и публицистическая) была более ограничена в своих возможностях.

В четвёртой главе «Смена исторического нарратива в условиях перестройки (1985—1991 гг.)» рассмотрен процесс изменения массовых представлений об историческом прошлом Калининградской области, а также факторы, влиявшие на этот процесс. Особое внимание при этом уделено источникам, влиявшим на уровень осведомлённости граждан об истории края и основным проблемам, вокруг которых фокусировались дискуссии о прошлом. Кроме того, охарактеризована деятельность неформальных общественных объединений и их отношение к культурно-историческому наследию области.

Характерной чертой «исторической революции», происходившей в Калининградской области в период перестройки, была её двухчастность. С одной стороны, в крае нашли отражение общесоюзные тенденции десталинизации, осуществлялась ревизия некоторых идеологических принципов, происходила переоценка советского прошлого. С другой стороны, на местном уровне исключительную важность приобрела ревизия отношения к довоенному прошлому края. В центре дискуссий оказались вопросы утраченного наследия, преемственности памяти, заботы о сохранении памятников старины.

Одним из практических результатов гласности стало переименование ряда улиц в Калининграде. Реноминация осуществлялась двумя методами: посредством «отмены» советских названий в ходе кампании десталинизации, а также посредством возвращения названий из довоенного прошлого.

Гласность способствовала критической оценке деятельности органов охраны памятников, выдвижению требований по их реформированию, а также

изменению методов консервации и реставрации. В этот период в процесс музеефикации и реставрации включились международные организации и Русская православная церковь. Главным историко-культурным объектом, концентрировавшим вокруг себя новые идеи и смыслы, стал Кафедральный собор.

В заключении сформулированы основные выводы по итогам проведённого исследования.

В настоящей диссертации не ставилась задача описать все процессы, происходившие в культурной жизни области в советский период. Кроме того, автор отдаёт себе отчёт в том, что использование современных подходов и научного инструментария *memory studies*, появившихся существенно позже изучаемых событий, является в некоторой степени модернизацией истории. Вместе с тем применение теоретических разработок по политике памяти в изучении культурных процессов, происходивших в Калининградской области в советские десятилетия, оправданно тем, что позволяет соединить разрозненные события в единую картину, лучше представить специфику культурной памяти калининградцев и сделать шаг по направлению к пониманию особенностей региональной идентичности.

На протяжении большей части советского периода в истории Калининградской области проводимая здесь политика памяти транслировала интерпретации прошлого и отношение к культурному наследию, основываясь на установках, первоначально выработанных для нужд военного времени и первых лет строительства области, когда всё немецкое напрямую ассоциировалось с фашистским, а значит, негативным и враждебным. Методы советизации края, по замыслу властей, служившие механизмом адаптации переселенцев в новых для них условиях, должны были способствовать интеграции новой области в общесоветский контекст.

Период хрущёвской оттепели расширил возможности проявить себя для новых локальных акторов политики памяти. Нормативно оформленная в это время центральными органами власти необходимость выявления и учёта

памятников, а также распространение туризма вкупе с появлением краеведческой литературы, расширявшей горизонты исторического нарратива, способствовали включению в сферу официально признанного культурно-исторического наследия некоторого количества восточнопрусских объектов, соответствовавших критерию общекультурной значимости и их заметной роли в истории искусств или наук.

Одновременно под вопросом оказывалось сохранение несовместимых с атеистическим мировоззрением культовых зданий и фортификационных сооружений, символизировавших милитаристское прошлое края и немецкий «Дранг нах Остен». Сохранялись различия в интерпретациях прошлого между, с одной стороны, частью калининградской интеллигенции и некоторыми представителями московской культурной бюрократии, которые рассматривали довоенное наследие как общечеловеческое культурное достояние, и, с другой, — противостоящими им местными партийными и государственными чиновниками, считавшими его фашистским, чуждым и подлежащим забвению.

При внешней незыблемости курса властей на перекодировку городских и общественных пространств в «советском духе» период с конца 1960-х до середины 1980-х гг. характеризовался наличием отличавшихся от официального дискурсов и отчасти успешных способов сохранения памяти и объектов культурного наследия. Появились памятники, отражавшие советскую историю периода становления области. Был музеефицирован и ревитализирован ряд крупных немецких архитектурных сооружений.

Гласность второй половины 1980-х гг. на региональном уровне актуализировала противоречия в освоении культурного наследия. За счёт создания неформальных, впоследствии независимых общественных объединений и негосударственных печатных изданий, увеличилось количество акторов памяти, а замалчивание как способ обращения с историей уступило место открытому диалогу, в ходе которого были высвечены «белые пятна» и прежние фигуры умолчания.

Проводимая в области политика памяти во многом носила ситуационный характер, в некоторых случаях могла под давлением объективных обстоятельств и воздействием общественных инициатив отступить от генеральной линии. Важно также принимать во внимание субъективную интерпретацию истории со стороны конкретных участников реализации политики памяти, их индивидуальные интерпретации актуального политического курса и, что немаловажно, учёт финансовых затрат на содержание и реставрацию памятников, их использование или установку новых.

Благодаря этим особенностям формирования региональной культурной памяти в период перестройки на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого века был обеспечен относительно мягкий поворот в массовом историческом сознании, восстановивший связь времён и обеспечивший условия для наиболее эффективного и рационального использования культурного наследия края в интересах всех калининградцев.

**Основные положения диссертационного исследования отражены
в следующих публикациях:**

*Публикации в ведущих периодических научных изданиях,
рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования
Российской Федерации:*

1. Фостова С.А. Региональная история в экспозиции Калининградского историко-художественного музея (1946 –1991) // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 67–75.

2. Фостова С.А. Историческая память о советских военнопленных и «остарбайтерах» в экспозиции Калининградского историко-художественного музея 1960–1980-х гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. № 4. С. 99–108.

3. Фостова С.А. Писатель Сергей Снегов и политика памяти в Калининградской области (1950–1970-е годы) // Вестник БФУ им. И. Канта.

Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С. 49–58.

4. Фостова С.А. Форт № 5 в исторической памяти калининградцев // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. С. 70–82.

5. Фостова С.А. «Давайте сделаем небольшой эксперимент»: письма жителей СССР о переименовании Калининграда в 1991–1992 гг. // Новое прошлое. 2022. № 4. С. 236–258.

6. Фостова С.А. «Молодой цветущий край»: особенности репрезентации городского ландшафта Калининграда в фотодокументах советской эпохи // Новое литературное обозрение. 2022. № 2. С. 132–142.

Работы, опубликованные в других научных изданиях:

7. Фостова С.А. Дискуссия о судьбе Кёнигсбергского замка и его разрушении в 1950–1960-е годы (Из фондов Государственного архива Калининградской области) // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 179–204.

8. Фостова С.А. Мемориал 1200 гвардейцам в Калининграде // Теория и практика современных краеведческих исследований. Тамбов, 2015. С. 67–73.

9. Фостова С.А. Монументальная память о Второй мировой войне в Калининграде // Материалы II Всероссийской научной конференции «Человек и общество в условиях войн и революций». Самара, 2015. Вып. 2. С. 204–207.

10. Фостова С.А. «Немецкий след» в топонимике и городском пространстве Калининграда // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ. Самара, 2015. Вып. 3. С. 199–201.

11. Фостова С.А. Образ Кёнигсбергского замка в отечественной художественной литературе после 1945 года // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей. 2015. Вып. 9. С. 142–150.

12. Фостова С.А. Репрезентация визуальных образов города

Калининграда в советских видовых открытках // «Ломоносов» 2016. [Электронный ресурс] М., 2016.

13. Фостова С.А. Снос Кёнигсбергского замка после войны и проблема формирования калининградской идентичности // Кирилло-Мефодиевские чтения в Самара, 2016. С. 112–114.

14. Фостова С.А. Дискуссия об архитектурно-планировочном решении острова Канта в 1989 году // Дни науки — 2017. Калининград, 2017. С. 58–62.

15. Фостова С.А. Калининград VS Кёнигсберг: война памятников // Мультидисциплинарность в науке и искусстве: тенденции и перспективы: VI Студенческие Смольные чтения – 2017. СПб., 2017. С. 83–84.

16. Фостова С.А. Трансформация исторического центра Кёнигсберга в послевоенные годы // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Национальное культурное наследие России: региональный аспект». Самара, 2017. С. 256–261.

17. Фостова С.А. Из истории организации «Парка скульптур» в 1981–1991 годах // Время музея. Калининград, 2018. Вып. 1. С. 111–127.

18. Фостова С.А. Культурное наследие Кёнигсберга и советская монументальная пропаганда // VII студенческие Смольные чтения «Междисциплинарность в науке и искусстве: Вызовы будущего». СПб., 2019. С. 19.

19. Фостова С.А. Монументальная пропаганда в советском Калининграде: от войны памятников до мира // Студенческие Смольные чтения 2015–2017. СПб., 2020. С. 230–237.